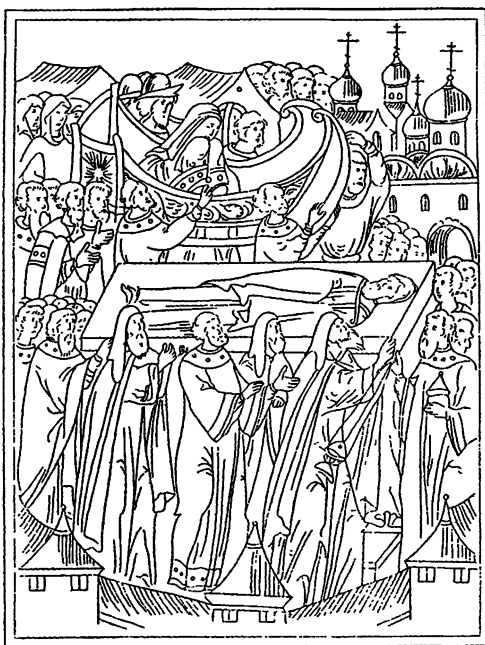

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРАВЛЕНИЕ ЕЛЕНЫ ГЛИНСКОЙ

Смерть правителя в то время, когда его наследник был недееспособен, всегда была чревата всплеском ожесточенной борьбы за власть. Конечно, Иван IV, находившийся в трехлетнем возрасте, править не мог. Это прекрасно понимал и Василий III. Без сомнения, его совещания с боярами и дьяками вызывались желанием укрепить положение ребенка на престоле, найти оптимальный состав регентского совета, в руки которого переходила власть до совершеннолетия нового великого князя. Однако кто входил в этот совет? Очевидно, что ответ на этот вопрос содержался в духовной грамоте Василия. Но она не дошла до наших дней и была, скорее всего, уничтожена еще в XVI веке.

Поэтому исследователь может опираться только на известия летописей и данные, которыми располагали власти Литвы, получавшие их с помощью перебежчиков из России. Осложняет задачу то, что беглецы, особенно в первые месяцы после смерти Василия, едва ли располагали точными данными, а опирались в своих показаниях лишь на слухи, ходившие по Москве. Летописи же редактировались в интересах тех или иных группировок. Поэтому историки называют различных лиц, которым передал власть покойный великий князь. Причем разброс мнений достаточно широк: от Боярской думы в целом до митрополита Даниила и Елены Глинской. Представляется, что для определения лиц, которым поручалось управление страной, необходимо обратиться к первоначальной редакции повести о смерти Василия III.

Похороны Василия III
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

По этому источнику, до последних минут с умирающим находились Михаил Юрьевич Захарьин, Михаил Львович Глинский и Иван Юрьевич Шигона. Все они участвовали и в предыдущих совещаниях у постели больного. Также и в Псковской летописи указывается, что Василий приказал сына своего «беречь» до пятнадцати лет «своим бояром не многим»*. Что касается митрополита Даниила, то его не было при совещаниях о будущем устройстве государства, скорее всего Даниилу поручалась забота о нравственном, духовном здоровье подрастающего правителя.

Елена Глинская также едва ли должна была оказаться правительницей государства. Она не присутствовала на совещаниях мужа с боярами, но ей предназначалась важная роль в семейных делах. Поэтому-то после ее смерти вклад по ее душе оказался столь мал: если по Василию было вложено в Сергиев монастырь пятьсот рублей, то по Елене всего тридцать**.

* ПСРЛ. Т. 34. С. 21; Т. 5. Вып. 1. М., 2003. С. 105.

** Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 26.

Впрочем, сразу же после смерти Василия III удельные князья (Юрий Дмитровский и Андрей Старицкий) и бояре целовали крест не только на имя Ивана IV, но и на имя его матери Елены Глинской. Это было вызвано тем, что именно она должна была стать главой великокняжеской семьи до совершеннолетия Ивана. Остальное население России присягало только наследнику. Уже после процедуры крестоцелования о смерти мужа сообщили великой княгине. Наутро 4 декабря состоялись похороны Василия в Архангельском соборе Московского Кремля. Новый великий князь на погребении, видимо, не присутствовал, зато там были Елена, Михаил Львович Глинский, бабка Ивана IV княгиня Анна, удельные князья, бояре (Шуйские, Михаил Семенович Воронцов и другие), боярыни великой княгини.

Прошедшая без осложнений присяга не гарантировала тем не менее от возможных политических кризисов. Первый из них разразился спустя неделю после смерти Василия III. Летописи различно передают события. Согласно первой версии, инициаторами событий являлись бояре, наученные дьяволом: они решили, что необходимо арестовать старшего дядю Ивана IV, который, находясь на свободе, является источником постоянной угрозы для племянника, так как «совршѣнный человек, люди приучити умеет, и как люди к нему поедут, и он станет под великим князем государства его подыскивати». Вскоре представился и повод для репрессий — князь Андрей Шуйский, который еще при Василии III пытался перейти на службу к Юрию, но был арестован. После смерти великого князя его выпустили из заключения «по печалованию» митрополита и бояр. Теперь же Андрей Шуйский решил осуществить свой старый замысел и добиться осуществления переворота в пользу Дмитровского, рассчитывая в случае успеха упрочить свое положение при новом правителе. Своим замыслом Шуйский поделился с князем Борисом Горбатым, который отказался поддержать эту идею. Тогда Андрей Шуйский явился к великой княгине и донес на Горбатого, что якобы он уговаривал его отъехать к Юрию. Проведенное следствие показало невиновность Бориса Горбатого. Андрей Шуйский был арестован. Остальные бояре решили во избежание дальнейших смут арестовать и князя Юрия Дмитровского, который на самом деле был непричастен к событиям. Великая княгиня Елена, находившаяся в трауре, согласилась с боярами, не вникая в суть дела. Юрий был арестован, а спустя некоторое время скончался в темнице.

Согласно другой версии, князь Юрий действительно стал перезывать людей к себе на службу через своего дьяка Третьяка Тишкова.

Лицевая часть черепа Елены Глинской

Третьяк обратился к Андрею Шуйскому, доказывая ему, что присяга, которую принес Юрий Дмитривский, была не вольной и, следовательно, не имеет силы. Шуйский передал слова дьяка Борису Горбатову, а Борис рассказал все боярам. Узнавшая об этом Елена Глинская приказала арестовать Юрия Дмитривского. Это произошло 11 декабря 1533 года*.

При всей разнице двух версий между ними есть сходство: они признают опасность, исходящую от удельного князя, независимо от его личной воли. В самом деле, подобная ситуация (когда в живых был взрослый дядя и малолетний племянник) вызвала в XV века ожесточенную борьбу за великокняжеский стол между князьями московского дома. Поэтому арест князя Юрия и его приближенных в любом случае объяснялся государственной необходимостью, стремлением обезопасить страну от внутренних потрясений. Тем более, что у Юрия (в отличие от Андрея Старицкого) были конфликты еще с Василием III, который до конца жизни относился к брату с недоверием, до последней возможности скрывал от него свою болезнь.

Два летописных рассказа отмечают и роль великой княгини в событиях. Именно ей принадлежит последнее слово в принятии решения

* ПСРЛ. Т. 13. С. 78–79. Гонцу в Литву на вопрос о братьях Василия III было предписано отвечать, что Дмитривский князь «вборзе учал великие неправды делати и государь наш на князя Юрия опалу положил» (Сборник Русского исторического общества. Т. 59. СПб., 1887. С. 9).

об аресте князя Юрия. И это несмотря на то, что она по завещанию мужа не наделялась политическими функциями. Однако она оставалась главой великокняжеской семьи, чем и определялась ее роль в этот период.

История с Юрием была лишь первым политическим кризисом из тех, которые потрясали Москву и Россию в период малолетства Ивана Грозного. Второй брат покойного Василия III, князь Андрей, также вскоре доставил хлопоты правительству. В январе 1534 года, после сорочин по великому князю, Старицкий «припрашивал к своей отчине городов чрез отца своего благословение и чрез духовную грамоту». В связи с этим можно предположить, что в несохранившемся завещании Василия III был пункт, согласно которому Андрей должен был получить какие-то земельные владения в благодарность за лояльность к наследнику. Однако просьба князя была отклонена, хотя он был одарен шубами, кубками и иноходцами в седлах. Это было совсем не то, на что рассчитывал Андрей. После этого он начал «на великого князя и на его мать... гнев держати о том, что ему вотчины не придали»*. Для правительства недовольство удельного князя было потенциально опасно, но члены руководства были заняты в этот момент более насущными проблемами.

Дело в том, что, по традициям того времени, в окрестные государства были отправлены гонцы от имени малолетнего великого князя Ивана с сообщением о смерти отца и своем вокняжении. К королю Польши и великому князю Литвы Сигизмунду в январе 1534 года был отправлен сын боярский Тимофей Заболоцкий-Бражников. Ему, кроме объявления о переменах на престоле, надлежало добиться сохранения «дружбы и братства», которые были между Сигизмундом и Василием III. Однако вернувшийся 22 июля Тимофей привез от короля «ответ гордостен». Король потребовал вернуть Литве города, занятые русскими**. Это означало, что в любой момент может вспыхнуть война между Россией и Литвой, которая никак не могла смириться с потерей части восточнославянских земель, отвоеванных в свое время Иваном III и Василием III. Ситуация, казалось, благоприятствовала замыслам литовцев: малолетство великого князя, арест князя Юрия, недовольство Андрея Старицкого. Все это вселяло в Сигизмунда уверенность в своих силах.

Вдобавок внутри самого нового правительства не было единства. Елена Глинская стремилась получить реальную политическую власть

* ПСРЛ. Т. 13. С. 91, 428.

** Там же. С. 79, 82–83, 420.

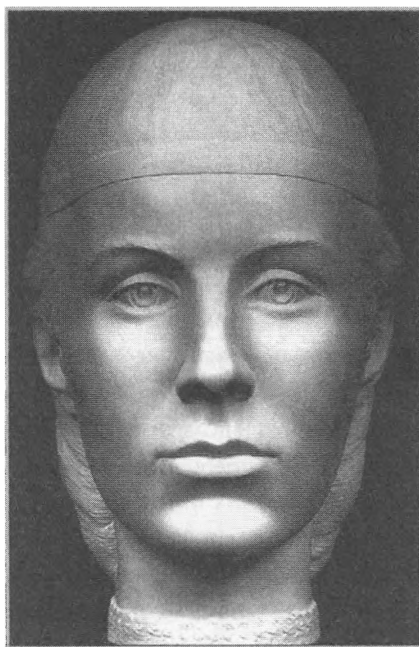

Прием Иваном IV посланца от короля Сигизмунда
 Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

в стране. Она сближается с известным воеводой князем Иваном Федоровичем Овчиной-Телепневым-Оболенским. Возможно, какие-то отношения были у них и до смерти Василия III. Ее дядя Михаил Львович Глинский, которому покойный великий князь поручил заботу о семье, стал упрекать Елену: «Видя, что сразу по смерти государя вдова его стала позорить царское ложе с неким боярином по прозвищу Овчина... неоднократно наставлял ее жить честно и целомудренно; она же отнеслась к его наставлениям с таким негодованием и нетерпимостью, что вскоре стала подумывать, как бы погубить его»*. Конфликт в ближайшем окружении великой княгини был чреват серьезными потрясениями, особенно в то время, когда назревала война на западных границах.

Для защиты от нападения были отправлены войска. Стало известно, что Сигизмунд договаривается с крымским ханом о совместном нападении на Россию. Поэтому часть войск во главе с князем Иваном Бельским была отправлена в Коломну, а другая в Серпухов под началом

* Герберштейн С. Записки о Московии. С. 88.

Елена Глинская
Реконструкция С. А. Никитина. 1990-е

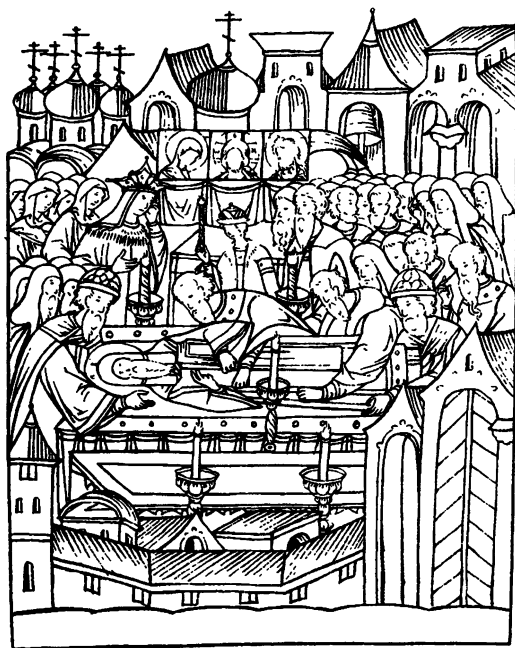
Семена Бельского и Ивана Ляцкого. Князь Иван Воротынский должен был находиться в Одоеве. Однако воеводы Иван Бельский и Иван Ляцкий из Серпухова бежали в Литву. Это произошло 3 августа 1534 года. После этого произошли аресты виднейших представителей знати: были арестованы Иван Бельский и Иван Воротынский с детьми. Они были объявлены «советниками» беглецов. Вскоре же (по разным данным, или 5-го, или 19 августа) был арестован и Михаил Львович Глинский. Его обвинили в том, что он фактически отравил великого князя Василия и стремился вместе со своим сообщником Михаилом Семеновичем Воронцовым захватить власть в стране. Глинский был посажен в ту же палату, в которой сидел и раньше, при Василии. Из нее он уже не вышел*.

События августа 1534 года получили различное толкование. Некоторые исследователи считают, что имел место масштабный антиправительственный заговор во главе с Михаилом Глинским. Однако если беглецы в Литву были заговорщиками, то почему они бежали, а не

* ПСРЛ. Т. 13. С. 79, 83, 420; Т. 34. С. 24, 168.

пытались осуществить свои замыслы в России? Более убедительным представляется следующее: как такового заговора Михаила Львовича Глинского не было. Был его конфликт с племянницей и ее фаворитом Овчиной, которые использовали побег воевод для расправы над князем Михаилом. Это подтверждается тем, что другой активный участник «заговора» Михаил Воронцов, несмотря на тяжесть предъявленных обвинений, вскоре был отправлен на воеводство в Новгород. Что касается Семена Бельского и Ивана Ляцкого, то их поступок мог мотивироваться просто тем, что в условиях борьбы за влияние при дворе едва ли можно было надолго получить высокое положение. Кроме того, литовские порядки могли импонировать русской знати, привилегии которой все больше ущемлялись великими князьями.

Побег в Литву воевод имел большое влияние на события не только потому, что арестован был и сошел с политической арены Михаил Глинский, но и потому, что пострадал и Михаил Юрьевич Захарьин, которого Василий III назначил одним из регентов. Дело в том, что бежавший из Серпухова Иван Ляцкий был его близким родственником (двоюродным братом). Захарьин был даже арестован, но вскоре

Митрополит Даниил перекладывает в новую раку мощи святого митрополита Алексея
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

оказался на свободе. Тем не менее его позиции были подорваны. Из регентов оставался еще Иван Шигона, на его положение бурные события августа 1534 года, видимо, не повлияли. Тем не менее регентский совет оказался уничтоженным. Реальная власть в стране перешла в руки Елены Глинской и ее фаворита князя Овчины-Телепнева-Оболенского, правивших с помощью Боярской думы.

Впрочем, вся правительственная деятельность осуществлялась от имени малолетнего великого князя Ивана IV. Он постоянно фигурирует в летописях вместе с матерью, отдает распоряжения, отправляет дипломатические миссии, назначает воевод, хотя очевидно, что его участие в событиях было чисто формальным. Собственно говоря, это признает и летопись. Описывая появление в Москве бывшего хана Казани Шигалея, источник говорит о том, что, согласно протоколу, хан сначала побывал на приеме у Ивана, а затем получил аудиенцию и у Елены Глинской — реальной правительницы государства. Но участие великой княгини в переговорах было нарушением традиции, и летописец объясняет его следующим образом: Глинская по совету с боярами решила, что может принимать Шигалея исходя из следующего: «Занеже еще великий государь млад, а положение царьскаго скипетра дръжавы великыя Росиа все есть Богом положено на ней и вручено ей от Бога на сохранение и на съблюдение всего благочестиа православие на милость благым и на отмищение злым»*.

Недолгое правление Глинской характерно целым рядом мероприятий. Во-первых, были предприняты меры к недопущению неконтролируемого роста церковно-монастырского землевладения. Хотя специального законодательного акта по этому вопросу не сохранилось, но о подобных шагах правительства можно говорить достаточно уверенно на основании грамоты вологодскому Глушицкому монастырю от 1535 года. В ней монастырским властям предписывалось предоставлять в столицу документы с перечнем всех приобретений обители за «год или за два». Также объявлялось, что теперь расширять свои земельные владения монастырь может лишь с разрешения центральных властей, в противном случае земельные владения должны были конфисковаться.

Другим направлением политики Глинской является широкое привлечение средств духовенства на решение общегосударственных задач, в основном при строительстве городских укреплений. Так, еще

* ПСРЛ. Т. 13. С. 102.

Казнь фальшивомонетчиков
 Миниатора Лицевого летописного свода. XVI в.

Василий III решил построить в Москве линию укреплений — Китай-город, осуществить его замысел пришлось уже великой княгине Елене. Сначала были построены деревянные стены, а затем и каменные. Причем митрополиту Даниилу было велено выделить средства «елико достоин, такоже и всему священническому чину урок учиниша». Кроме духовенства в выделении денег участвовали государственная казна, бояре, торговые люди. То же самое происходило и в Новгороде: при строительстве новых стен «на самого архиепископа Макария урок учиниша, такоже и на весь священный лик, на церковные соборы». С духовенства собирались деньги на выкуп пленных, проводились описания пожен у монастырей с последующей их раздачей в аренду тем же монастырям.

Вообще же в правление Елены Глинской широкий размах имело строительство новых городов и укрепление старых. Сгоревшие городские стены были восстановлены в Ярославле, Торжке, Владимире, Перми, расширены крепости в Вологде и Темникове, построены городские стены в Буйгороде, Устюге, Балахне. Несколько новых городов было построено на западных рубежах России: Заволочье, Велиж

Переделка денег при Елене Глинской
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

и другие. Это не считая укреплений Великого Новгорода и мощной каменной крепости Китай-города в Москве.

Важнейшее значение имела денежная реформа, проведенная правительством в 1535 году. До реформы в стране существовало две денежные системы: новгородская и московская. Новгородская деньга составляла сотую часть рубля, а московская — двухсотую. Кроме того, в стране широкое развитие получило фальшивомонетничество — деньги обрезывали, облегчая вес монеты. Еще при Василии III предпринимались меры для борьбы с этим злом, но проводившиеся репрессии не могли дать результата. Правительство предписало старые деньги перелить на новые. Они были более легкими. Основой денежного обращения стала монета, получившая название копейки — по изображению всадника с копьем. Сто копеек составляли рубль. Таковы основные направления внутренней политики правительства Елены Глинской*.

* ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 566—567, 570—571, 574; Т. 6. СПб., 1853. С. 292—293; Т. 13. С. 84—114; Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 45—52.

Между тем в 1537 году разразился очередной внутривосточный кризис. Эти события известны как «мятеж» Андрея Старицкого. Уже говорилось о том, что младший брат великого князя Василия III Андрей Иванович Старицкий после окончания сорокадневного траура по умершем великом князе в январе 1534 года стал просить увеличить свои владения. Однако ему было отказано. Это вызвало гнев князя Андрея, и он удалился в свою столицу Старицу «держа гнев на великого князя и его мать». Решительных действий со стороны московских властей тогда не последовало. Вместе с тем было очевидно, что возможно любое развитие событий. Андрею было понятно, что правительница, не пожалевшая в борьбе за власть собственного дядю Михаила Глинского, едва ли оставит его в покое. В Старицу доходили слухи о том, что его собираются арестовать так же, как и Юрия Дмитровского. Между тем и в Москве опасались открытого выступления Старицкого князя. Для урегулирования отношений в удельную столицу прибыла делегация в составе Ивана Васильевича Шуйского и дьяка Меньшого Путятина. Они должны были заверить Андрея, что никаких планов в отношении его у правительства нет. Безопасность Старицкому гарантировал и глава Церкви митрополит Даниил. На первый раз ситуацию удалось разрядить. Андрей явился в Москву и провел переговоры с великим князем (что являлось, конечно, фикцией) и Еленой Глинской, которая лично подтвердила, что планов по аресту удельного князя нет. После переговоров Андрей был отпущен обратно в Старицу, однако своего беспокойства не оставил. Тем более приближенные убеждали его спастись бегством и укрыться в Великом Новгороде, жители которого будут ему рады.

В Москве же решили предпринять упреждающие шаги и арестовать Андрея, не доводя дело до его открытого выступления. Но сделать это в Старице, где его окружали многочисленные служилые люди его удела, было невозможно. Решили еще раз заманить князя в Москву. Как предлог использовалось ухудшение отношений с Казанским ханством. Старицкий был вызван в столицу для совещания. Но сам он ехать отказался, сказавшись больным. Прибывший из столицы врач Феофил после своего возвращения в Москву заявил, что болезнь Андрея носит дипломатический характер. Поняв, что арест придется производить в Старице, правительница решила ослабить силы удельного князя, очевидно не хотевшего еще идти на открытый разрыв с Москвой. По требованию правительства удельные войска были отправлены в Коломну для охраны от предполагавшегося

нападения татар. К Елене же Старицкий послал для переговоров своего приближенного Федора Пронского, который, правда, не смог доехать до столицы.

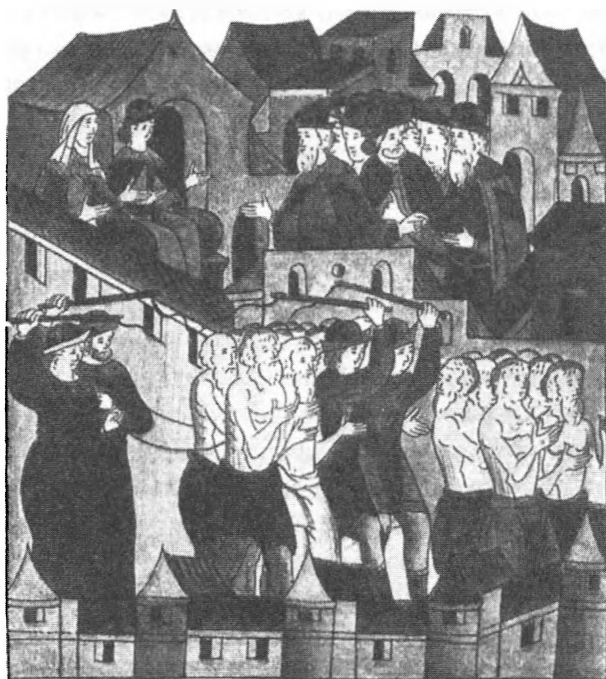
Ситуация вышла из-под контроля — фавориту Елены Овчине-Телепневу донесли, что князь Андрей принял решение бежать из Старицы. Насколько справедливыми были эти известия, сказать трудно. В Старицу срочно была отправлена делегация духовенства в составе Крутицкого епископа Досифея, архимандрита Симонова монастыря и Спасского протопопа. Им следовало убедить Андрея в том, что у правительницы нет никаких замыслов по его аресту. Не слишком надеясь на уговоры, отправили и войска под командованием того же Овчины. Находившийся на подъезде к Москве посланец Андрея Федор Пронский был арестован, но одному из старицких дворян удалось бежать и предупредить удельного князя о мерах правительства. Получив эти известия, Андрей 2 мая с недавно родившимся сыном Владимиром, женой Ефросиньей и оставшимися в его распоряжении силами бежал из своей столицы к Торжку.

Правительственные воеводы устремились за ним. Положение Старицкого ухудшалось из-за того, что часть его дворян предпочла покинуть своего господина и перейти на сторону центрального правительства. Из Торжка перед князем Андреем открывалось два пути: в Литву под покровительство Сигизмунда или к Новгороду. Андрей выбрал второй вариант. Он стремился захватить город и использовать для борьбы с правительством Елены Глинской многочисленных новгородских дворян. Им были посланы грамоты, содержание которых сводилось к предложению перейти к нему на службу: «Князь великий мал, а держат государство бояре, и вам у кого служити? а яз вас рад жаловати». Часть новгородских помещиков действительно перешла на сторону Андрея, хотя большинство из них сохранили верность правительству. К удельному князю смог пробиться и командующий его армией, находившейся в Коломне, Юрий Оболенский. Выступление Старицкого вызвало какое-то смятение и в самой Москве, о котором вскользь упоминают источники.

Однако занять Новгород князю Андрею не удалось. Наоборот, город был в течение нескольких дней укреплен, и из него против войск мятежника выступили войска под командованием Ивана Бутурлина. Вскоре подошли правительственные войска. Две армии приготовились к битве, но до вооруженных столкновений дело не дошло. Начались переговоры между противоборствующими сторонами. В ходе

переговоров московские воеводы дали клятву на кресте в том, что если Андрей прекратит сопротивление и явится в Москву, то никаких репрессий против него не будет. Источники специально подчеркивают, что клялся Иван Овчина по собственной инициативе, без разрешения великой княгини. За это на него была положена «словесная великая опала», что было, конечно, лишь фикцией. Вся история с опалой нужна была лишь для того, чтобы снять с великой княгини обвинения в нарушении клятвы, так как князь Андрей был арестован и уморен в темнице через несколько месяцев. Его удел, как ранее и удел Юрия Дмитровского, вошел в состав великокняжеских владений.

В заключении оказался единственный сын Андрея — Владимир Андреевич Старицкий, которому было два года, и его жена. Приближенные удельного князя были арестованы и после пыток и торговой казни также оказались в тюрьме. Причем их первоначально собирались подвергнуть смертной казни, но заступничество митрополита сохранило им жизнь. Хуже всего пришлось новгородским помещикам, перешедшим на сторону Андрея. Их били кнутом, а затем повесили на

Битье кнутом новгородских помещиков, перешедших на сторону Андрея Старицкого
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Сигизмунд I,
король Польский и великий князь Литовский

дороге от Москвы до Новгорода. Мятеж был подавлен, широкомащтабной междоусобной войны удалось избежать*.

Внутренние проблемы усугублялись внешней опасностью. Во многом под влиянием бежавших в Литву изменников Семена Бельского и Ивана Ляцкого король Сигизмунд решил попытаться вернуть утраченные Литвой земли. В сентябре 1534 года литовские войска попытались взять Стародуб, но в результате вылазки русских литовцы потерпели поражение, причем в плен попал командовавший жолнерами королевский дворянин Суходольский. Попытки королевских войск захватить Чернигов и Смоленск также провалились, взять им удалось лишь небольшой городок Радогощь. Ответные действия русских не заставили себя долго ждать: по летописи, Иван IV с матерью, посоветовавшись с боярами, отправили против Литвы свою армию 28 ноября. Командующим большим полком был назначен князь Михаил Васильевич Горбатый, в войсках же находился фаворит Елены, ставший

* ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 577–588; Т. 13. С. 91–99, 117–118, 429–431; Т. 34. С. 25–26, 171–173; Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 221–224.

к тому времени конюшим боярином Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский. Эти войска выступали из Москвы, кроме того, наступление на Литву с севера вели отряды из Новгорода и Пскова. Третья армия выступала из Стародуба. Поход продолжался всю зиму, русские войска доходили почти до Вильно — «воевали от Вильны за пятнатцать верст». В марте 1535 года армия вернулась на свою территорию почти без потерь и с большим полоном. Новый поход на Литву начался уже 20 июня и продолжался до сентября. В ходе его был взят Мстиславль. Однако вскоре выяснилось, что Сигизмунд заключил соглашение с Крымским ханством о совместной борьбе с Россией, и в середине августа 1535 года татары оказались на южных границах. Пришлось срочно перебросить войска с запада на Оку. Набег был отражен.

Литовцы также не сидели сложа руки и из-за трусости наместника Дмитрия Щепина практически без боя взяли пограничный городок Гомель. Бежавший в Москву наместник был посажен в темницу. Воодушевленные успехом, войска Сигизмунда двинулись к Стародубу. Командовал обороной города князь Федор Васильевич Телепнев-Оболенский. Гарнизон упорно сопротивлялся, но литовцы применили новинку военного дела того времени — устроили подкоп, заложили в него порох и взорвали стены. В результате Стародуб был взят 29 августа 1535 года.

Стало очевидно, что войну в свою пользу не удастся закончить ни одной из сторон. Тем более, что у России возникли проблемы на востоке, со стороны Казанского ханства. Впрочем, инициативу по заключению перемирия проявила литовская сторона. 13 февраля 1536 года в Москву к Ивану Овчине приехал посланец от литовских вельмож с предложением подталкивать великого князя к прекращению войны. В свою очередь, от Овчины в Литву отправился его представитель для продолжения переговоров. Несмотря на это, литовцы осадили Себеж, но взять его не смогли и, понеся большие потери, отступили. В ответ были совершены русские походы на Любеч и Витебск. После этого военные действия прекратились. В январе 1537 года в Москву прибыли литовские послы и после переговоров было подписано перемирие на пять лет. Война закончилась практически вничью*.

Еще во время войны с Литвой в Казани произошел антирусский переворот: ставленник Василия III хан Яналей был убит, а на престол приглашен представитель крымской династии Сафа-Гирей. Впрочем,

* ПСРА. Т. 13. С. 85—116.

Крышка саркофага Елены Глинской

в Казани издавна существовали группировки, одна из которых придерживалась прорусской позиции, а вторая — прокрымской. Появление на престоле Сафа-Гирея означало постоянную опасность для восточных границ России. Уже вскоре казанцы напали на окрестности Нижнего Новгорода, Костромы, Галича и другие места. В январе 1537 года сам хан во главе большого войска попытался взять Муром, но был отбит. Лишь в начале 1538 года при посредничестве крымского хана (с которым к тому времени установились более-менее нормальные отношения) начались переговоры о мире. В Казань был отправлен гонец, прибывший обратно в марте с представителем Сафа-Гирея и грамотой, в которой писалось о заключении мира*.

Сам великий князь Иван IV никакого реального участия во всех этих событиях не принимал, хотя летопись постоянно упоминает его: именно он отдает распоряжения, назначает воевод и так далее. Но

* ПСРЛ. Т. 13. С. 100–123.

Волосник Елены Глинской

рядом с ним постоянно упоминается его мать Елена, которая и управляла за своего малолетнего сына. Жизнь Ивана протекала, вероятно, так же, как и при отце. Но в ряде случаев его присутствие на различных мероприятиях было просто необходимо. Например, он участвовал в торжественной церемонии по переложению мощей митрополита Алексея в новую раку. В 1536 году великий князь впервые после смерти отца отправился на богомолье в Сергиев монастырь. Вместе с ним находился его брат Юрий и конюший боярин Иван Овчина. Такая же поездка состоялась и в июне 1537 года. На этот раз с великим князем была его мать Елена. Постепенно путешествия продолжались все дольше: в сентябре 1537 года поездка в Троицу длилась уже больше недели. В январе 1538 года великий князь с матерью отправился в Можайск на богомолье к образу Николы Можайского*. Возможно, начавшиеся частые поездки Елены Глинской по святым местам как-то связаны с ухудшением ее здоровья. Жить ей оставалось несколько месяцев.

3 апреля 1538 года правительница Елена Глинская умерла. Одна из летописей специально объясняет, что она «властодръжавъствовала государством великиа Русиа четыре лета и четыре месяца того ради, младу бо суцу великому князю Ивану Василиевичю сыну еа, наставшу осмому лету от рожения его»**. Великая княгиня была еще далеко не

* ПСРЛ. Т. 13. С. 113, 119, 120, 121–122.

** Там же. С. 123.

старой — ей не было и тридцати лет, появились слухи об ее отравлении, которые и просочились за границу. В отличие от смерти отца смерть матери Иван запомнил на всю жизнь, спустя годы он вспоминал о том, как неуважительно вели себя бояре на ее похоронах. Особенную ненависть вызвал Михаил Тучков, который произнес «многая надменная славеса» и этим уподобился ехидне*. Смерть великой княгини положила начало новому периоду — периоду боярского правления.

* Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 74.